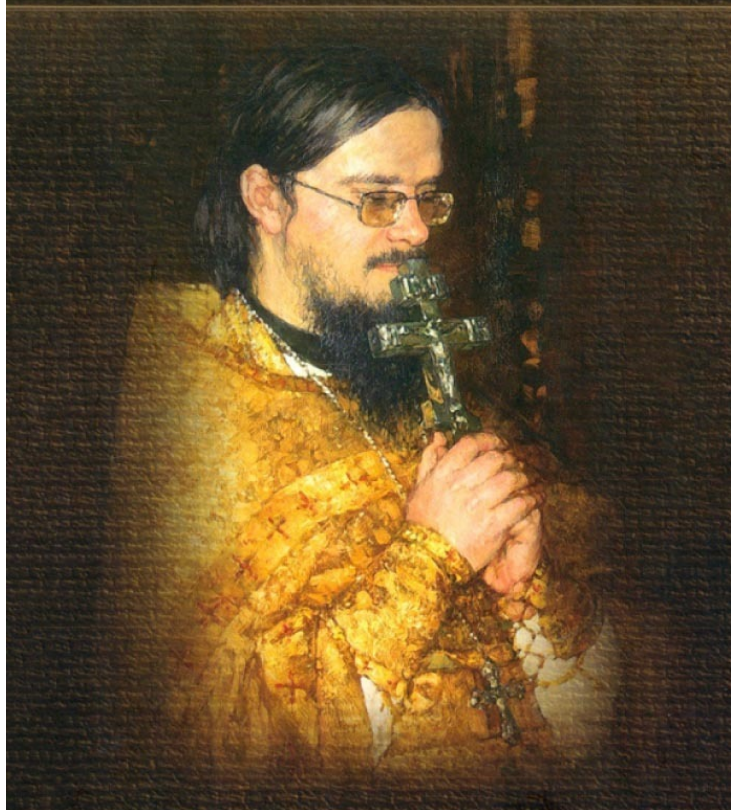

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДАНИИЛ

*Воспоминания
о священнике Данииле Сысоеве*

Юлия Сысоева
Неизвестный Даниил.
Воспоминания о
священнике Данииле

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73997672

Неизвестный Даниил. Воспоминания о священнике Данииле Сысоеве:

БФ «Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева»; Москва;

2012

ISBN 978-5-4279-0026-3

Аннотация

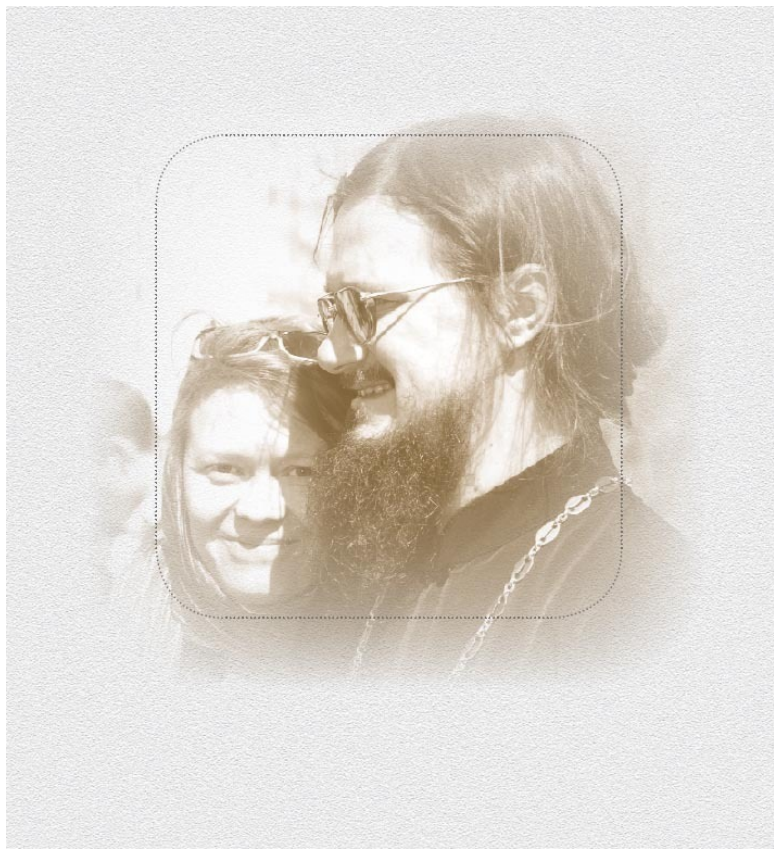
Книга посвящена благодарной памяти нашего современника, замечательного миссионера, даже до крови верного Христу и Церкви священника Даниила Сысоева, широко известного проповедника. Настоящую чистоту сердца отца Даниила и глубину любви к Богу открыла для нас его мученическая кончина 19 ноября 2009 года. Он жил среди нас, оставаясь для многих знакомым, но неизвестным Даниилом, над которым сбылись слова премудрого царя Соломона: «Души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их. В глазах неразумных они казались умершими, и исход их считался погибелью, и отшествие от нас – уничтожением; но они пребывают в мире. Ибо, хотя они в глазах людей и наказываются, но надежда их полна бессмертия.

И немного наказанные, они будут много благодетельствованы, потому что Бог испытал их и нашел их достойными Его» (Прем. 3, 1–5).

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Юлия Сысоева. Куда пропадают четки	9
Слово Патриарха Московского и Всея Руси	28
Кирилла после отпевания иерея Даниила Сысоева	
Воспоминания	32
Родители отца Даниила – протоиерей Алексей Сысоев, клирик храма первоверховных апостолов Петра и Павла в Ясенево, и матушка Анна	32
Николай Лавданский, художник-иконописец, друг детства	52
Протоиерей Дионисий Поздняев, настоятель прихода святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Гонконге (Китай), супруга Кира Поздняева	56
Протоиерей Михаил Щепетков, благочинный Малинского округа Московской епархии, преподаватель Коломенской духовной семинарии	70
Алексий Трунин, диакон храма Всех Скорбящих Радосте на Ордынке	80
Протоиерей Игорь Фомин, клирик Казанского собора на Красной площади	86

**Составитель
Юлия Сысоева
Неизвестный Даниил.
Воспоминания
о священнике
Данииле Сысоеве**

*Допущено к распространению Издательским Советом
Русской Православной Церкви ИС 12-211-1019*

© Благотворительный фонд «Миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева», 2012.

© Юлия Сысоева, 2012.

*Когда приходящие житейские заботы
помрачат душу твою, ты очисти ее воспоминанием
о мучениках. Если ты будешь иметь это
воспоминание в душе своей, то ни богатству
не будешь удивляться, ни бедности не станешь
оплакивать, ни славы и власти не будешь
восхвалять, и совершенно ничего из дел человеческих
– из блистательных не станешь считать чем-
нибудь великим, а из прискорбных – невыносимым,
но, став выше всего этого, будешь иметь
в постоянном созерцании этого образа урок*

*добродетели.
Святитель Иоанн Златоуст.*

Юлия Сысоева. Куда пропадают четки

19.11.2009. Время 12:43. **Из дневника**

Они пропали. Пропали самым таинственным образом – были, и вот теперь их нет. Вот уже несколько лет они служили мне верой и правдой. Из одной машины перекочевывали в другую. Они вытерлись и растянулись, но их таинственное приятное тепло всегда утешало меня. Они всегда были теп-

лыми, такими теплыми, как бывает теплой святыня, источающая из себя невидимый свет, который согревает всех приходящих к ней. Видимо, их вязали с молитвой и отпустили в мир как еще одно маленькое оружие против вечной ночи. Откуда они взялись, я не знаю, кажется, что они были у меня всегда, но это не так. Раньше у меня были другие четки, которые тоже пропадали внезапно и при невыясненных обстоятельствах.

Я никогда не покупала четки, они сами находили меня и покидали в тот момент, когда я переставала молиться или когда я сводила свою жизнь к совершеннейшей суете. Все мои четки были одинаковым числом – тридцать, ни больше ни меньше, такие, какие были нужны.

Первые четки были подарены мне в Оптиной, кто точно подарил, не помню.

Оптина, Оптина... Это было время прихода к вере. Я тогда могла стоять на службе несколько часов кряду, не зная усталости и лени. Я могла встать в пять утра, в синих холодных сумерках, когда сводит зубы от холода, а тело бьет крупная дрожь.

Искупаться в ледяном источнике, а затем, как на крыльях, пойти в скит на раннюю и стоять там, не чувствуя под собой ног, вслушиваясь в каждое слово стройного братского пения. Они, мои первые четки, пропали в тот момент, когда я ехала к духовнику своего будущего мужа за благословением на дружбу с моим женихом. Я собиралась замуж.

Потом были и другие, которые появлялись и исчезали, даже не вызывая о себе воспоминаний. Но эти, последние, были со мной долго. Я теряла их несколько раз, и они всегда возвращались ко мне. Один раз я нашла эти четки в луже возле храма. Я подняла их, такие мокрые и грязные, зажала в кулаке, и мне казалось, что я чуть было не потеряла близкое сердцу существо. В другой раз я нашла их в церковной лавке храма Апостола Фомы, они примостились на прилавке, словно потерянная рукавичка, и тихо ждали меня.

– Ой, это же мои четки! – в восторге воскликнула я тогда.

– Ваши? – переспросила свечница. – Их кто-то принес, подобрали возле храма.

Пожалуй, это был единственный раз, когда посторонние люди видели мои четки. Никогда и ни при каких обстоятельствах я не вынимала их на людях.

С этого момента я больше не выносила четки из машины, да и тогда было совершенно непонятно, как они оказались возле храма, потому что всегда висели на ручке переключения передач и ждали того момента, когда в груди начинало ныть в жажде слова к Богу, и тогда рука машинально тянулась к ним. И вот однажды я с ужасом увидела, что их нет. То место, где они лежали, было непривычно пусто.

«Может быть, завалились», – думала я, устраивая тотальный обыск, заглядывая под кресла в последней зыбкой надежде. Они исчезли, ушли, покинули меня, за суету, за неверие, за непросщение обид. Я никогда не покупаю четки, я буду

ждать, когда Господь вновь даст их мне, будут ли это другие, новые, или мои старые, вытертые, вновь вернуться ко мне, — не знаю.

Днем я нашла четки в машине, на самом видном месте. Знала ли я, что это последний день земной жизни моего возлюбленного мужа? Мы оба не знали.

Какие предчувствия были в его сердце, мне сложно сказать. Кое-чем он делился в эти последние пасмурные ноябрьские дни.

Сумрак над нами начал сгущаться примерно за месяц до того рокового вечера, когда отцу Даниилу было суждено уйти в вечность. Ему было тяжело.

21.11.2009. Время 00:50. Из дневника

У него два ранения — слепое, в шею, и сквозное, в затылок, это был контрольный выстрел. Остался его окровавленный священнический крест — он лежит в алтаре. Окровавленную епитрахиль органы обещали отдать. За все время я спала 2,5 часа. Меня постоянно допрашивают, то ГУВД, то ФСБ, то еще кто-то. За мной бегают толпы журналистов. Я не выпила никакого успокоительного, так как мне надо иметь трезвую голову и держать себя в руках, взвешивая каждое слово. Все хотят что-то выудить и на чем-то подловить. Допросы будут продолжаться еще долго. Я не могу раскисать.

Сегодня утром мы едем забирать тело из морга. Вчера это сделать не удалось, так как не могли найти паспорт О. Д. Вла-

дыка благословил прощание в храме Апостола Фомы в субботу и воскресенье. В понедельник будет отпевание и погребение.

22.11.2009. Время 10:20. Из дневника

Заехала на пару часов в опустевшую квартиру. Всю ночь была у гроба и на ранней службе.

Нашла в холодильнике остатки нашего последнего ужина. Я готовила суши-роллы, они почему-то не испортились. Последний раз мы ужинали в среду, поздно, почти в двенадцать. А в четверг он на ужин не приехал. Если бы мне кто-нибудь позвонил из храма сразу после случившегося, я застала бы его в живых. Он жил – и это чудо – почти час с простреленной шеей и насквозь простреленной головой. Но мне никто не позвонил!!! Почему? У меня вопросов больше, чем ответов. Правда, на некоторые ответил сам отец Даниил. Эти дни потеряли время – сплошная боль и скорбь. Была и радость, почти пасхальная, когда после облачения в морге мне позволили посмотреть лицо. Чудо в том, что, несмотря на сквозное ранение, Господь ему сохранил лицо неповрежденным, без единого кровоподтека, он был почти как живой. Когда я первый раз увидела его, он мне улыбался. В этот момент мне показалось, что разлука наша закончилась и мы теперь опять будем вместе. Да, я так думала. Я разглядывала каждую черточку на его лице, таком наизусть знакомом и родном. Даже волосок на усах, который всегда рос непра-

вильно, и я всегда обрезала ему этот волосок, чтобы не торчал, когда стригла ему усы. Он улыбался, только было очень странно, почему он такой холодный.

У меня впереди еще одна ночь с ним. Прошу молитв, чтобы Господь дал сил вытерпеть до конца.

А когда мы его привезли в храм и меняли воздух на лице (я хотела, чтобы воздух был мой, который я шила для храма), то он был уже суровым. Я часто думала про эти покровцы, воздухом от которых мы покрыли его лицо. Знала ли я, когда вышивала их, какой воздух я вышиваю! Это были первые покровцы для храма Апостола Фомы. Когда храм только открылся, я сшила комплект покровцов, почти все цвета. У этих, первых, была маленькая особенность: кресты на самих покровцах были неправильно повернуты, на что служившие в храме батюшки обращали внимание с некоторой иронией.

Вечером в субботу привезли девочек. Мы закрылись в храме и показали им его лицо, и он опять улыбался. Очень бледный только. Если бы не отец Даниил и его поддержка, я не знаю, что делала бы. Себя не жалко, детей жалко страшно. Девочки рыдали, а малышка не сразу решилась подойти близко к папе и потрогать его. Но потом она успокоилась, тянула к нему ручки, трогала щеки и говорила: «Папа». Она всегда так умилительно говорит «папа». Она родилась у него на глазах, и он как дитя бегал по родзалу и говорил: «Она мне улыбнулась, она мне первому улыбнулась!»

Всей семьей. 2008 год.

Было еще чудо. От облачения, в котором еще лет восемь назад отец Даниил завещал себя похоронить, уже год как потерялись поручи и пояс. Никто их не мог найти, а вчера поручи нашлись в алтаре, а пояс нашли на следующий день в ризнице. Когда приехали в морг облачать батюшку, вспомнили, что пояса так и нет. Стали звонить в храм, просили найти любой другой пояс, но чудом нашелся тот самый. А крест он купил за день до смерти, вместо того, который у нас украли из машины.

В начале ноября мы ходили с батюшкой в кинотеатр на

фильм «Царь». Помню, меня растрогала сцена похорон митрополита Филиппа, у меня по щекам текли слезы, и я старалась, чтобы отец Даниил этого не заметил. Знала ли я, что через две недели буду отпевать своего мужа? Да, это был последний наш поход в кино... После сеанса мы говорили о фильме и подумали, что после Пасхи нужно посмотреть картину «Поп». И он как-то странно и грустно сказал: «Посмотрим». А когда сели в машину, то увидели, что стекло разбито и украдена батюшкина сумка, в которой не было ничего важного, кроме иерейского креста, да и тот не представлял никакой ценности, кроме священной. Я тогда стала говорить, что это плохой знак, но отец Даниил мне строго сказал, чтобы я прекратила так думать. Я предложила поискать сумку на окрестных помойках, думая, что воры, не найдя ничего ценного, выкинут ее, тем более что они обычно не берут кресты, это у них что-то вроде дурного знака. И мы до поздней ночи ходили с батюшкой по ближайшим помойкам, но ничего не нашли. На следующий день отец Даниил улетел в Сербию и, радостный, звонил мне из монастыря Святой Ангелины, сказал, что своим Ангелинам, дочке и теще, купил кулончики с иконкой их святой. Дочкин кулончик я бережно храню, это же последний подарок от папы. Подрастет – я ей его вручу.

В среду утром (или в четверг, в последний день его жизни, точно уже не вспомню) я погладила ему чистый подрясник, и он надел новый крест. Подрясник был особенный, темно-синий, таких у отца Даниила никогда не было. Когда я покупа-

ла ткань, она показалась мне черной, а дома стала синей, и отец Даниил почему-то всегда смеялся над этим.

Я дала ему выглаженный синий подрясник и сказала, что он теперь очень красивый и что я хочу всегда видеть его таким. Остатки этого подрясника мне потом вернули из следственного отдела. Остатки – потому что он был изрезанный, его порезали в реанимации, когда снимали. А епитрахиль пока еще в следственных органах, кто знает, когда ее отдадут. Обещали отдать после следствия, но я боюсь, что не отдадут или потеряют.

Когда мы искали его паспорт, я видела его вещи, все в крови, а в кармане брюк каждую минуту надрывался его мобильный. Это было ужасное ощущение: в кабинете следователя в черных пластиковых пакетах для мусора лежали его вещи, и оттуда почти непрерывно раздавался виброзвонок телефона. Он отключал звук, когда был в храме и на службе, и телефон так и остался на виброзвонке, потому что Господь призвал его прямо в храме. Это логично. Храм он любил больше всего на земле. Люди звонили ему, почему они звонили, когда уже знали, что случилось, когда все каналы вещали главную новость? Наверное, потому что не верили, хотели сами убедиться, хотели услышать, что это ошибка. Однажды ночью, уже после похорон, я тоже позвонила ему на мобильный, просто так, потому что привыкла с ним созваниваться. Мне так хотелось услышать его голос.

Потом звонили мне, и мелодия, что была тогда на моем

телефоне, отпечаталась в моем мозгу навсегда.

Это было 20-е число. У меня разрывался телефон. В то хмурое, почти сумеречное ноябрьское утро Москва жила своей обычной жизнью, море машин двигалось в сторону центра. С раннего утра и целый день я ездила и ездила по Москве, одна. Из больницы в морг, из морга в прокуратуру, из прокуратуры в храм, потом опять в прокуратуру. Да, в этот страшный день я была одна, и лишь телефон звонил непрерывно. Сложно сказать, что же я чувствовала тогда. Скорее, ничего. Я просто была убита.

Ночью я собралась поспать, хотя бы пару часов. Я не могла находиться дома и лежала в батюшкиной бытовке при храме, на его кровати. Ненадолго заснула, а в четвертом часу меня разбудили собаки, которые грызлись и лаяли прямо под полом бытовки. Я оделась, вышла на улицу. Москва спала, в окнах почти не горел свет, город замер, редкие машины проносились по проспекту. Тихий безмолвный храм, еще с утра заваленный цветами, черное небо над головой и, словно осиротевшая, батюшкина машина, в которую он так и не сел тем вечером.

В далеком детстве я видела старика с собакой, они всегда гуляли вместе. Однажды старика сбила машина, его увезли, а собака осталась. Она сидела у обочины дороги, в том месте, где потеряла своего хозяина, грустно озиралась по сторонам и никуда не уходила. Сердобольные прохожие пытались ее кормить, но она лишь нюхала еду, а потом опять начинала

озираться, печальными глазами заглядывая в лица людей. В тот момент я смотрела на эту машину и чувствовала себя той самой собакой, сидящей у обочины, которой больше некуда идти. Я была отрезана от жизни и брошена в пучину страдания, которое еще предстояло пережить, чашу которого надо было испить до конца.

24.11.2009. Время 00:21. Из дневника

Так тяжело. Весь день смотрели по телевизору разные передачи о нем. Показали какую-то беседу с ним, Ангелина узнала его и начала лепетать: «Папа, папа» – и потом еще что-то, вроде «приди ко мне». Потом схватила его подрясник, прижала его к себе, и снова – «папа». Глядя на это, я боюсь, что сорвусь.

Когда несли гроб, уже на кладбище, я опять в такую скорбь впала, не выразить, и вдруг прямо под ноги – букет фиолетовых ирисов. Я сразу поняла, что от него. Именно такие ирисы он подарил мне на первом свидании. А в последние дни сказал, что хотел мне цветы подарить, давно не дарил, за всей этой кутерьмой, что у нас была. Да так и не подарил. Вот сейчас подарил. Я этот букет взяла и поняла: надо и ему что-то подарить. Когда я в 94-м году ездила в Израиль, то на Гробе Господнем просила жениха достойного, я знала, что Господь обязательно даст достойного. Не знала только, какого достоинства он удостоится. В той поездке я купила тоненькое золотое колечко с маленьким бриллиантом и не

снимала его все эти годы. Оно давно не снималось с пальца, и я подумала, что если смогу снять, то ему отдам. Оно снялось, и я, перед тем как гроб закрыли, вложила его в руку отца Даниила.

Тот самый букет.

Сейчас позвонил из Вашингтона отец Виктор, сказал много утешительного, и не просто утешительного, а со смыслом, словно мне отец Даниила отвечает на мои вопросы.

В вещах отца Даниила надо разбираться, и хочется, и не могу, ну, потихоньку. Он свой кожаный пояс от подрясника

просил отдать Владимиру, регенту. Когда заберу из прокуратуры его вещи, в которых он умер, не знаю, они ничего не говорят.

27.11.2009. Время 21:34. **Из дневника**

Сегодня нашелся его нательный крест с веревочкой. Когда вчера в прокуратуре мне отдавали подрясник, ремень, четки и носильные вещи, то креста не было и документов на машину не было (я, конечно, напряглась из-за этого, начала нервничать), потом оказалось, что они в больнице остались, мы их сегодня и нашли. Как-то все батюшка устраивает. А епитрахиль и рясу не отдали. Епитрахиль мне вчера дали подержать в руки, я приложилась к ней. Запах крови такой сильный. Не отдали, так как там нашли пулевое отверстие. Он, видимо, когда падал на лицо, то упал лицом на епитрахиль, она задралась, и пуля прошла, вернее, вышла через нее. Но это мое предположение, больше этим отверстиям неоткуда взяться. Теперь остается молиться, чтобы ее отдали, так как с пулевыми отверстиями в принципе не отдадут. Это у них называется «вещдоки». Но я уже уверена, что батюшка опять все устроит.

Он мне приснился первый раз после похорон: стоит возле храма спокойный, немного грустный, и смотрит расписание служб; я к нему подошла и увидела шрамы на лбу. Он снится редко, почему-то люди очень часто спрашивают, снится ли он. Но если снится – всегда вижу шрам на лбу, заживший,

с розовой кожей. Думаю, что мученики будут воскресать со следами от своих мучений, потому что такие следы – это их свидетельство. Ведь Христос явился Своим ученикам после Воскресения и показал им Свои раны, а мог явиться и без ран. Значит, это свидетельство было нужно. Может быть, поэтому я и видела во сне отца Даниила со шрамами от страданий.

В тот последний вечер я начала ему звонить через минуту после выстрела – он не взял трубку, и я ужасно рассердилась. Сказал – скоро приеду. Я подумала, что опять «зацепился» с кем-то языком, опять обманул, а я ужин приготовила, жду его, приятное ему хочу сделать... В тот момент была я на дне земной жизни и понимания. Когда отец Даниил смотрел в вечность и встречался с Ангелами, я, грешная, думала о суете, о котлетах и о своих обидах. Да простит меня Господь – замужня угождает мужу, поэтому и котлеты. Получается, до последнего мужу угождала, ужин-то для него был. Все годы, что мы жили с ним, я всегда старалась угождать ему, ведь он был как ребенок в бытовом смысле, а следовательно, и заботиться о нем надо было, как о ребенке. Он был далек от житейских забот и проблем, он всецело был поглощен богословием и служением, поэтому все бытовые проблемы всегда были на мне. И лишь сейчас я поняла, какой жребий мне выпал, я часто роптала, смотрела на других батюшек, которые гвозди дома забивали, а оказывается, Господь дал возможность послужить и поугождать такому великому человеку.

Может быть, так было надо, чтобы только через час после случившегося мне сказали, что в него стреляли и что он ранен. Я, как полупьяная, как в бреду, села в машину и поехала в храм. «Поехала» – мягко сказано, я погнала, и по дороге думала: «Если он останется жив, вдруг станет инвалидом». Я не знала, что он уже скончался. Ехала и думала: «Свершилось, вот они, мои предчувствия...». А потом – как в кино, оцепление вокруг храма, телевидение, нервно курящие милиционеры, и я бегу, прорываюсь через это оцепление и сразу попадаю на допрос. Потом зачем-то еду к больнице, где у закрытых ворот растерянно топчутся его прихожане и кто-то из батюшек. Потом опять еду в храм, иду к нему в бытовку, там стоит ноутбук, открытый на его странице в ЖЖ, где он сделал последнюю в своей жизни запись, и недопитая кружка с чаем, желтая такая, с улыбающейся мордочкой; я смотрю на эту кружку – то ли это бред, то ли реальность. Мордочка продолжала улыбаться и смотреть на меня своими глупыми глазами. Я уже слышала, что в храме изъяли компьютер, и начинаю понимать, что ноутбук тоже должны были изъять, но забыли или не заметили. Я хватаю его, судорожно запикиваю в сумку, чтобы никто не видел, и выхожу в ночную прохладу, где под черным небом священники и люди собираются служить литию. Это небо напомнило мне Пасху, когда мы в безмолвии стояли со свечами перед этими же храмовыми дверями, нам мерцали звезды, и в полной тишине мы начинали петь «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на

небесех». Ко мне бросилась рыдающая старшая дочь, которую привезли мои родители (младшие в тот момент спали), и мне еще предстояло утром сказать средней – Дорофее, что папу убили. Мы пели литию, растерянные и шокированные, не веря в реальность происходившего с нами.

А потом, возле его гроба, я сокрушалась о своем малодушии, корила себя, просила у него прощения за все. Думаю, что, когда в него выстрелили, он больше всего испугался за меня и детей, поэтому и было сделано все, чтобы меня подольше удержать дома и помягче сказать. Вот почему мне никто не звонил, а когда позвонили, то сказали, что он ранен, так лучше было – поэтапно. Он не хотел, чтобы я его увидела в луже крови, не хотел.

27.11.2009. Время 21:34. Из дневника

Самое мучительное – коротать вечера, ставшие длинными и никчемными. Вечера, которые проходят в привычном ожидании его прихода. Сегодня была у владыки, потом решила пройтись пешком. Отец Даниил любил Остоженку, храм Ильи Обыденного, переулки Пречистенки. Прошлась – серое небо, тепло и сыро, вспоминала разные эпизоды, связанные с этими местами и с батюшкой. И все думала о том, насколько сильно в одночасье перевернулась моя жизнь и насколько я не могу еще этого осознать и воспринять умом. Одно только я поняла: теперь на земле меня держат только мои дети. Душа моя стремится туда, где он. А он туда стре-

мился всегда, когда я копалась в земле как червяк.

Отец Даниил всегда жаждал святости и всегда говорил об этом. Ему мало было просто спасения. Он говорил, что неверно рассуждать, что «в раюшку хоть с краюшку». Ему было мало «с краюшку», он хотел высшей славы и высшей награды на небе. Иногда он буквально шокировал людей, которые приходили креститься или крестить детей, спрашивая: «Вы обещаете, что станете святыми, вы обещаете, что ребенка воспитаете святым?» Он часто в своих проповедях говорил о добрых делах, которыми мы «зарабатываем капитал» на небе, строим там себе дома и даже дворцы. Недаром и временный храм был назван именем апостола Фомы, который построил небесный дворец царю Гундафору.

17.03.2009. Из дневника

Прошло четыре месяца, даже удивительно: всего четыре, а мне казалось, что прошло лет пять, не меньше, только эти пять лет – сплошная и бесконечная зима. И ныне – середина марта, а холодно. Батюшка говорил мне, чтобы я приезжала к нему на могилу, когда будет особенно тяжело, вот и езжу. Привожу ему пятнадцать фиолетовых ирисов, теперь это наш с ним обычай. Пятнадцать – по числу прожитых вместе лет. Иногда мне кажется, что это сон, иногда думаю, что все, что у меня осталось, – это могила с цветами. У него всегда много цветов. Вот они стоят, замерзшие и побитые морозом, понутив свои разноцветные головы, засыпанные сне-

гом. Кто-то поставил фотографию батюшки, горят фонарики. Удивительно то, что могилу его я точно, до мелочей, описала еще при жизни батюшки в своем романе «Бог не проходит мимо», который он благословил и всячески меня поддерживал. В романе я описывала могилу почившего старца. Вот это описание:

«Могила старца была увенчана простым деревянным крестом с крышей домиком, под крестом в красном фонарике теплилась неугасимая лампада, могильный холмик был весь сплошь завален букетами с цветами, припорошенными, словно пылью, белым пушистым снегом. Первый снег тонким полупрозрачным ковром застилал землю, в воздухе неспешно кружилось множество молчаливых снежинок. Старая яблоня с побитыми морозом побуревшими яблоками склонялась над крестом».

Кто знает, что чувствует человек, которому стреляют в затылок? Именно это я описываю в романе – казнь мученика, не отрекшегося от веры, от Христа, мученика, убитого исламистами именно таким способом – выстрелом в затылок. Почему именно это было описано за два года до кончины батюшки – это тайна, как тайна и многое другое, происходившее в нашей жизни. О предзнании мы часто говорили с отцом Даниилом, впервые – когда шли пешком в Гефсиманский скит по кривым улочкам старого Сергиева Посада. Именно в этот день я поняла сердцем, что мне суждено быть

с ним. Я поняла это не как влюбленность, а как волю Божию, которую понимают и боятся принять. Тогда смеркалось, на небе задрожали первые звезды. Он спросил, знаю ли я, что такое предзнание. Я ответила, что знаю, потому что в тот момент со мной происходило именно это. Тайны Божии открывались мне в этот спокойный, тихий осенний вечер. Мне было страшно, потому что я чувствовала повеление Божие.

Слово Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла после отпевания иерея Даниила Сысоева

Сегодня мы провожаем в путь всея земли отца Даниила

Сысоева, всем нам хорошо известного московского пастыря. Его жизнь оборвалась по злой человеческой воле, он умер насильственной смертью. Казалось бы, служение священника есть самое мирное служение, потому что к миру призвал нас Господь. И все то, что говорит священнослужитель, обращаясь к людям, исполнено этим Божественным призывом: строить жизнь свою на основании Божиего закона, утверждая мир в отношениях с ближними и дальними.

На протяжении двух тысяч лет существования Церкви это свидетельство о мире Божиим многими и многими воспринималось с радостным биением сердца. Люди открывали и открывают навстречу Евангелию свое сердце, свой разум, пленяются Божественной истиной. Несмотря на многие искушения, соблазны, стереотипы жизни, которые формируют иное миробытие, чем бытие евангельское, люди, тем не менее, пытаются устроить свою жизнь на основе Божественного Слова.

Но та же самая двухтысячелетняя история Церкви свидетельствует и о другом. Для многих это Слово – огромный вызов, требующий переосмысления всей жизни, своих внутренних установок. Иногда это Слово вызывает не радостное биение сердца, а невероятную, невыразимую злобу; и люди отдают все свои силы для того, чтобы бороться с этим Божественным Словом. И наше время не является исключением. Как в прошлом, так и сегодня нередко против тех, кто свидетельствует о Божией правде, человеческая злоба обрушива-

ет в том числе насильственные действия. Нет ничего нового в человеческой истории. Как замечательно сказал Тертуллиан, «кровь мучеников – семя христианства». Злобу и насилие обрушивают на тех, кто провозглашает Божию правду, те, у кого нет иных аргументов, у кого злоба застилает глаза. Не имея возможности умственно и сердечно противостоять слову священника, эти люди либо обрушивают на пастыря потоки клеветы и злых слов, либо даже поднимают руку.

Отец Даниил многое сделал для утверждения Божией правды. Он участвовал в различного рода дискуссиях, диспутах. В меру своих сил и талантов он отстаивал Божию правду. Но наверное, самое сильное слово, которое он произнес, это то слово, свидетелями которого мы все являемся. Если человека убивают за Божию правду, то это значит, что правда сия разит людей, ее не приемлющих, это значит, что она обладает огромной силой. Вот почему слова Тертуллиана были подтверждены всей историей христианства. И каждая новая кровь, проливаемая за Христа, сеяла обильно семена веры, и собиралась жатва. Знаем, что и этот подвиг жизни и смерти отца Даниила есть великое семя, которое, будучи посеянным в плодоносную почву, принесет свой плод.

Для всех нас, кто посвятил себя служению Господу, предстояние сему гробу должно побудить к глубоким размышлениям о смысле и характере проповеди в современном мире, о важности служить делу Божию так, чтобы каждое наше

слово достигало ума и сердца слушающих, чтобы не впустую, не в духовной праздности и лени проходили дни нашей земной жизни.

Верим, что Господь примет душу раба Своего в небесные Свои обители, потому что он был верен Ему даже до смерти. Пусть и в наших сердцах сохранится вечная молитвенная память об убиенном рабе Божиим иерее Данииле.

Воспоминания

**Родители отца Даниила – протоиерей
Алексий Сысоев, клирик храма
первоверховных апостолов Петра
и Павла в Ясеневе, и матушка Анна**

Протоиерей Алексей Сысоев

Об отце Данииле как о ребенке лучше говорить маме, в

его воспитании и становлении мама играла большую роль, чем я, он был ее надеждой, ее утешением, она глубже общалась с ним с самого начала и до последнего момента.

Даниил с детства много читал, был любознательным, многим интересовался, и мы часто с ним беседовали на разные темы, вместе задумывались над вопросами истории христианства или догматики, это было нашим любимым занятием. Но Господь каждого ведет своим путем, каждый учится на собственном опыте, собственном деле, собственном понимании...

Он был горячим и смелым человеком, хотя по характеру был нервным и болезненным. Болезненный человек обычно бывает скромным, а он воспитывал, именно воспитывал в себе какие-то силы, мужество. Он мне не раз рассказывал, как в школе был вынужден защищать свою идентичность, свою независимость, так он воспитывал себя, готовился к своему будущему положению, к служению Церкви. В Духовной семинарии он был не столько учеником, сколько захватчиком, он интересовался буквально всем. Ему не хватало знаний, его не устраивало спокойное положение, когда семинаристы сидят на лекции на задних партах и занимаются своими делами. Он был неординарным человеком, даже когда он оканчивал семинарию, он постоянно выискивал то, что ему было интересно.

При этом он хотел служить. Священник всегда должен сделать свой выбор, найти свое место. И вот он находит свое

место, свою тему – это мусульманская тема, татарская, по матери он – татарин, но сказать, что это влияние крови, нельзя ни в коем случае, скорее, это был просто богатый мир. Невозможно сказать, насколько глубоким было его проникновение туда, насколько серьезно он воспользовался кровным правом нести свою проповедь, причем делая это нестандартно, своим методом, абсолютно искренне, просто и – сокрушительно.

Он очень много читал, делал это быстро и легко, прочитывал тома за часы и все это хранил в памяти, и не для того, чтобы перед кем-то показаться. Это было в его стиле, до грубости простом, поспешном, но так ему было надо, потому что он спешил, чувствовал, что ему отмерено немного времени. Это был ритм современного человека, его восприятия, в первую очередь восприятия Небесного, Божественного. Он брал для проработки четыре-пять тем, все записывал, и, как сейчас показывает успех его книг, это был самый лучший стиль работы. Он весь был такой необычный человек: необычная судьба, необычная подготовка, необычное духовное делание. Он не стал накапливать знания, выработать какие-то глубинные мысли, чего требует Господь от иных священнослужителей. Он обладал хорошим вкусом, хорошим богословским умом и одновременно – был оригинальным и смелым.

Отец и сын.

Многие люди сейчас выражают восхищение качеством и броскостью изложения его рассуждений. Его стиль, лишенный шор, шаблонов, плакатный, яркий, даже вызывающий, приносит и укрепление в вере, и утешение, помогает верующим лучше познать свою веру.

Мы с матушкой были несколько готовы к тому, что случилось. Потому что существовало то, что называется – по загадочному слову апостола Павла – «я каждый день умираю», и Господь готовит к этому. Мы должны были привыкнуть, мы

знали, что, когда он однажды пережил клиническую смерть, то встречался с дьяволом, видел Ангелов. То, что мы видели, — было его крестоношение. Мы вручаем свою жизнь в руки Господа Иисуса Христа, Он ее Творец. Случайностей не бывает, хотя сейчас, когда устанавливаются звенья этого злодеяния, интересно было бы подумать об этом. Нельзя не заметить, что отец Даниил был таким проповедником, который иногда провоцировал, в этом был смысл его веры, он не хотел толерантности, не хотел, чтобы Христа ставили на одну доску с Магометом, Буддой или Иеговой и им молились. Он не мог этого терпеть, и не хотел терпеть, поэтому он сам готовил себе такую участь.

Отец Даниил не забыт, его чтут люди, к которым была обращена его проповедь, они знают, что между Небесной Церковью и земной не такая уж и большая пропасть. Они читают его книги, лекции, проповеди, все это сегодня востребовано.

Уже и Китай, и Америка, и Сербия, и Греция, и Афон, по моему, запросили материалы из жизни и творчества, религиозного наследия отца Даниила. Некоторые из священников включают его опыт в свой опыт, в свои знания, в духовный багаж. Для Церкви отец Даниил жив, его помнят. Он не забыт, сюда приезжают разные люди, разных направлений, в том числе и из провинции, из разных стран. В доме культуры «Замоскворечье» прошел очень интересный вечер памяти отца Даниила, и все, что там происходило, было с благодатью. Показывались фильмы, видеоматериалы. Там были

люди, которые знали отца Даниила, это был праздник, пусть и не официальный, но это был церковный праздник.

Матушка Анна

Отец Даниил был наш первенец, и, конечно, это был сын, данный Богом. Я очень его ждала, и, когда он родился, поняла, какая это ответственность, какой это удар по моей свободе и – какое это чудо. Но мы тогда боялись чудес, мы были невоцерковленные люди, даже некрещеные, и тот образ жизни, который я вела, никакого отношения к Церкви не имел. Но, без сомнения, Господь нас вел во всем и всегда. Мой отец умер, когда я еще не родилась на свет, его случайно убили на охоте, и как-то раз один батюшка сказал мне: «Ты Божия детка, Господь твой Отец, Он тебя вел, Он тебя и привел».

Маленький Данила.

После рождения Даниила я поняла, что у меня на руках не просто ребенок, а целый космос, наполненный некими сверхэнергиями (потом оказалось, что так оно и было). Первое короткое время у нас все было так, как обычно бывает в семьях, где родители молодые, и, когда у них рождается первый ребенок, они продолжают жить своей жизнью и надеются, что так оно всегда и будет. Но очень быстро Господь смирил меня именно тем, что, имея на руках младенца, я попала в некий затвор, как это и происходит с молодыми мамами, и этот затвор привел меня на берег той реки, которая называ-

ется Церковь. Я очень быстро поняла, что все приходит туда, и нужно идти только туда. Мы крестились с отцом Алексеем практически одновременно, но ребенка крестить не могли, потому что наши родители были убежденными партийцами, и моя мама устроила целую серию спектаклей на тему «Если вы крестите ребенка, то я его у вас заберу». По тем временам это была довольно серьезная угроза, и она даже бегала в комитет по религиозным или молодежным делам, узнавала, что тут можно сделать.

Сами мы, конечно, в храм ходили, ездили за город к отцу Димитрию Дудко. Потом Даниилу уже исполнилось три года, потом почти четыре, и все это время, пока мы заигрывали с миром и с Богом, он ждал. Это было совершенно точно видно по его глазкам, но он не говорил с нами на эту тему, хотя мы постоянно и о разном с ним разговаривали, он был очень развитый ребенок.

У нас было много книг, которые он читал, были прекрасные художественные альбомы, в которых было помещено большое количество икон: «Московская школа живописи» и «Новгородская школа живописи», он их открывал, часами разглядывал и потом смотрел на нас вопрошающим взглядом: «Почему вы меня не берете с собой туда? Почему вы меня отделили от себя?» Я этот взгляд до сих пор помню.

Серьезный взгляд.

И настал момент, когда ребенок очень сильно заболел. После того как прошла первая волна этой тяжелой болезни, я поехала к отцу Димитрию, а него в гостях была одна матушка, насколько я сейчас понимаю – тайная монахиня. Она, услышав, что Даниил до сих пор не крещен, говорит мне следующее: «Ну, поступай как знаешь, только помни, что тебе будет геенна огненная за это, а ему будет земля мерзлая». Что для меня было страшнее – геенна для меня или мерзлая земля для моего ребенка? Его я любила слишком сильно, и, когда я представила мерзлую землю для него, это стало для

меня решающим. И мы его повели креститься, сразу же отложив все другие попечения и человеческие угождения. А когда мы его крестили, его крестный, выйдя из крестильной, говорит: «Он сказал, что перед ним был Ангел, он его видел». Я подумала: «Вот выдумщик наш Даниил!» Но так было очень часто, он часто говорил такие вещи, которые я своим житейским умом даже не впускала себе в голову.

Ребенок он был, конечно, необычный. Он был очень одарен интеллектуально, но самое главное – необычайное горение, которое даже пугало. Когда он стоял на Литургии (мы тогда ходили в Николо-Кузнецкий храм) и пел «Верую», даже батюшки выходили из боковых врат, посмотреть, кто это так громко поет. И видели шестилетнего тощенького заморенного ребенка, который просто вопил, пел громче всех. Я очень стеснялась этого, думала, как бы его уговорить петь потише.

Детские годы.

Однажды отец Олег Стеняев рассказывал свои детские ощущения от алтаря: он был уверен, что там и находится Царствие Небесное, а когда ему разъяснили, что Царствие Небесное находится не совсем там, был очень разочарован. И мне кажется, что Даниил так кричал потому, что он обращался непосредственно к Богу. Кто его знал, тот знал, что его эмоциональность часто проявлялась именно возгласами к Богу, я думаю, что так до конца жизни он и кричал к Богу, он всегда обращался прямо к Нему. Однажды мы ездили

в Иерусалим и там попали в тяжелые обстоятельства, сели кузовом машины на камень, – это было на Мертвом море, вокруг никого не было, был уже вечер, наступала темнота. И мы думаем: «Ну, все, надо молиться». Мы стали, кто как мог, кричать, звать на помощь, а отец Даниил просто воздел руки к небу и стал взывать, то есть было прямое стремление туда, и это просто потрясло. И конечно, избавление пришло сразу: мимо проезжали две машины, остановились, оттуда вышли два палестинца и радостно побежали нам помогать.

Было очень интересно наблюдать, как он начал собирать с этого мира для своей души. Так как мы с отцом Алексеем рисовали, он тоже рисовал, писать он еще не мог, но в пять лет уже читал. Рисовал он бесконечно, и рисовал какие-то совершенно неправильные вещи, я никогда такого не видела. Он рисовал целые страны, в этих странах были горы, горы падали в водопады, в горах были кельи пустынников, а внизу – деревни с людьми. Это были еще советские времена, храмы были закрыты и находились в страшном поругании, а он рисовал цветущие страны, города, какие-то деревни, в каждой деревне по пять-шесть храмов, на улицах – крестные ходы, батюшки, леса наполнены огромным количеством животных и рыб, и главное – космос, небо. Оно постоянно присутствовало у него каким-то невероятным сверканием. Эти рисунки были очень интересны, и, наверное, это было начало слова, начало литературы, ведь в дальнейшем он много писал.

Когда ему исполнилось шесть лет, Патриархия первый раз

сумела издать двухтомник «Настольной книги священнослужителя», вот эти книги и были его любимыми. Мы постоянно читали с ним жития святых в прекрасном издании Академии наук, книга называлась «Византийские легенды», а в числе ее составителей были Аверинцев и Лосев. И он знал ее практически наизусть.

Был период, когда он очень часто «служил», но я думаю, что у всех священников дети «служат» дома, да и не только у священников. Первое, что начинает дома делать православный ребенок, и девочки тоже, – это выносить большую книгу и кричать: «Паки и паки!» или «Мир вам!» А так как Даниил пришел к Богу уже подростком, то подошел к этому делу очень серьезно, осмысленно. У него были облачения, был потир – в таком, конечно, игрушечном варианте, и он обязательно говорил проповеди. Однажды – ему еще не исполнилось семи лет – мы прочитали с ним Иоанна Мосха «Луг духовный», это подлинная литература, и там описывается такой случай: греческие пастушки из одной деревни собрались вместе, делать им было нечего, и они решили послужить Литургию. Все священнические молитвы они знали наизусть, вино у них было, в Греции это обычный напиток, и хлеб был. И, судя по всему, произошло претворение хлеба и вина в Тело и Кровь Христову; тогда с неба сошел Ангел, ударила молния, дары были истреблены, и камень был истреблен, чтобы не было осквернения. И я ему говорю: «Данила, а тебе не кажется, что ты тоже с молнией играешь, свои

бесконечные Литургии служишь?» Ему мои слова, конечно, не понравились, потому что он очень любил служить, он уже тогда говорил, что будет священником, он даже собирался быть Патриархом и говорил об этом совершенно серьезно. Я думаю, что это было простое и прямое стремление его веры.

Я ему предлагаю: «Давай спросим духовника о твоём служении». Мы подошли к батюшке, и он Даниле сказал: «Если ты спрашиваешь об этом, значит, уже есть какие-то сомнения. Если так получается, то не служи больше». И Данила с грустью, с тоской сердечной прекратил свои «служения», но все-таки я иногда заставляла его в «облачении», с «кадилом». Спрашиваю: «Даня, ты что? Зачем ты снова служишь?» А он отвечает: «Мамочка, ну дай хоть молебен с акафистом послужить, что ж ты меня всего лишаешь!»

Конечно, его детство было очень наполнено. Когда он подарил нам с отцом свою первую книжку, написанную им еще в диаконстве, то подписал ее так: «Моим дорогим родителям за счастливое совместное детство». Детство с ним было долго, вплоть до последних лет. Он жил тем, что впитал в себя в детстве.

Читайте своим детям жития, читайте по вечерам, перед сном, несмотря ни на что, ни на какой их возраст, и подросткам читайте, они тоже хоть как-то, но будут слушать, и вы почувствуете, какая великая благодать идет на вас и на вашего ребенка. Вам дается возможность, и, может быть, вы потом будете вспоминать всю жизнь, как ваше сердце и сердце

вашего ребенка билось в одном ритме. Это настолько утешающе, это укрепляющая связь на всю жизнь, и это очень важно. Мы читали много мученических житий, и Данила очень переживал эти сюжеты. А потом он пошел в школу, и там ему Господь дал возможность стать исповедником. Когда он пошел в первый класс, у него как раз была вторая волна его тяжелой болезни, он умирал, был в клинической смерти, и он видел себя со стороны, видел Ангела, который приказал ему вернуться назад. Я узнала об этом только потом, через год. Данилы в школе не было целый месяц, и к нам домой пришли учителя, узнать, почему ребенок не ходит в школу. Я была немного растеряна, впустила их, они вошли и увидели иконостас, а это был 1981–1982 год, самый застой. Как они были возмущены! И затем вопрос о Данииле и нашей семье поднимался в РОНО, и не один раз, мне рассказывали об этом.

Весна. Битцевский лес. Отец Даниил с братом Тихоном, сестрой Анастасией и дочкой Иустиной. 1998 год.

Они начали совершенно официальное перевоспитание верующего мальчика, которого нужно было спасать, и, когда он после болезни пришел в класс, к нему сначала стали применять политику «пряника»: его повели записываться в библиотеку. А первоклассники сначала проходят азбуку, учатся читать, и только в конце года их записывают в библиотеку. Тут же его просто взяли под «белые ручки», он пришел домой очень счастливый, сказал, что может теперь читать, что хочет. Но ему обязательно засовывали в его пачку книг какой-нибудь страшный атеистический рассказ, и он очень удивлялся этому, он же был простодушный по характеру. Однажды принесли в класс некий механизм, который делает молнии, там надо покрутить ручку, и между шарами проскакивает электрический разряд в виде молний. И весь класс восторженно крутил ручку и наблюдал молнии, а к нему обращались персонально: «Вот видишь, Данила, как молния получается». Наш богословски развитый мальчик, который уже наизусть выучил «Настольную книгу священнослужителя», искренне не понимал, при чем тут заряды и при чем тут Бог. Но пока это были игрушки, но потом настало время, и его поставили перед всем классом. Учительница стала его позорить, подняла на смех, говоря: «А вы знаете, дети, что у нас тут есть боговерующий?» Конечно, это было устраша-

юще для ребенка первого класса, когда учитель заставляет детей смеяться над ним, и все смеялись. «Ты, Данила, боговерующий? Ты, может быть, еще и в церковь ходишь? Ты, может быть, еще и молитвы знаешь?» – спрашивала она с издевкой, и весь класс хохотал. А Данила тогда устоял и ответил: «Да, я верю в Бога, и хожу в церковь, и знаю молитвы». Я считаю, что такое исповедничество – великая честь от Бога, за его горение Господь и дал ему пройти через это, в знак будущей судьбы, потому что его горение никогда не прекращалось. Ведь очень многих детей Господь просто покрывал, по молитвам родителей, многие дети были верующие, ходили с крестиком, но прятали его, зашивали куда-то, а здесь была именно прямая исповедь. Он во многом был – по земным понятиям – дерзким, прямым, не принимающим никаких разночтений.

Данила часто спрашивал меня, чувствую ли я Таинство, у него было удивительное мистическое чувство, он очень ярко ощущал Таинство. Не могу сказать, что у нас были какие-то общие семейные молитвы, молился каждый сам, но мы вместе шли к Богу, каждый по отдельности, но одной дорогой, и он шел вместе с нами, не как наше дитя, а как сотоварищ. Он всегда был нам сотоварищ, я очень многое от него узнавала, он много мне помогал, но и меня слушал. Бывало, сидит и слушает, что я ему рассказываю, так внимательно...

Когда он стал постарше, началась перестройка, и школе стало не до верующих детей, в старших классах с ним уже ни-

чего не случилось. Там у него уже были обычные мирские искушения, соблазны, сквозь которые он прошел Божией милостью. Школа его практически не касалась, он очень много читал и узнавал дома. У меня мама химик, профессор, и она безумно боялась к нам тогда приезжать, потому что он задавал ей такие вопросы по химии, на которые она уже не могла ответить. Во-первых, возраст, а во-вторых, она была химик-технолог. «Я химик-технолог, я уже не помню химии, – говорила она, – что он меня спрашивает!» Помимо богословских книг, он читал и научную литературу, чего он только не знал: и минералогию, и историю, и литературу, он все сам добывал, сам находил то, что ему было нужно. Он рано начал писать, а когда ему было 13 лет, он дарил мне календари – на каждый месяц был свой рисунок и выдержки из Писания – из Книги Ездры, например. Он был широко живущий человек, находящий смысл во многом.

В школе он ценил математику – за логику, а остальные предметы его не удовлетворяли совершенно, там для него все было проштамповано. В последний год учебы в школе он думал пойти на исторический факультет МГУ, ходил даже на курсы, но не стал сдавать вступительные экзамены, а поехал в Лавру. Это был 1991 год, первый набор времен перестройки, без уполномоченных. Я сейчас понимаю, что вся почва была собрана в детстве, но – сколько наших детей знают и любят храм, а потом все останавливается, не растет, куда-то уходит. Там, у Преподобного Сергия, у него был силь-

ный рост, там раскрылся его дар: все, что он получил, все, что собирал, пошло в рост, мощный, быстрый.

Когда ему было 14–15 лет, произошло первое остужение горячей детской веры, началась вера разумная, и он очень интересно переключился: стал заниматься церковными канонами, Уставом, богослужением. Он приходил в храм Донского монастыря с полным рюкзаком богослужебных книг и сверял, правильно ли они служат, да еще стоял в несколько надменной позе, как ревизор. Это было начало его следующего скачка, как боголюбец он уже несколько затормозился.

Мы из Ясенева приезжали в Донской монастырь, там было очень хорошо. Как раз тогда произошло открытие Даниловского монастыря, и первые службы даниловцев проходили в Донском, потому что свои храмы у них еще не были отреставрированы. Данила очень много ездил в это время, у него отец такой же, он тоже с четырнадцати лет начал ездить по России. Когда из Москвы переносили мощи преподобного Серафима, Даниил пешком вместе со всеми ходил крестным ходом, он и в Оптиной пустыни тогда был, жил там, когда она восстанавливалась. Он побывал во многих местах, как совершенно самостоятельная личность, независимо от меня, попав в это яркое новое движение нашей Церкви после перестройки.

Николай Лавданский, художник-иконописец, друг детства

В детстве, когда Данила с родителями жил на улице Инессы Арманд, отец Алексей, тогда еще дядя Леша, занимался

с нами живописью, акварелью, и я часто бывал у них в доме. Как-то раз мы с Данилой пошли гулять в Битцевский лесопарк, который начинался прямо на границе их двора. Мы тогда были совсем дети, еще дрались между собой. Заходим в парк. Недалеко от входа – компания подростков вешает кошку на дереве. Надели ей на шею петлю, перекидывают через сук веревку. А кошка цепляется за дерево, визжит, и умирать никак не хочет. А они все смеются, потом стаскивают ее, раскручивают веревку, бьют кошку о ствол. Мы с Данилой стоим – и у обоих катятся слезы. Потом одновременно срываемся с места, бежим к ним и кричим: «Прекратите!» Нас, конечно, избили. А кошка убежала.

Все случаи из детства, которые вспоминаются теперь, связаны с какими-то происшествиями. В другой раз мы ехали к моим родителям в Чертаново. Стоим на автобусной остановке на улице Обручева. Два накачанных парня очень грубо приставали к девушке, и я что-то сказал им. Один из них схватил меня за шею, держит, а другой начал бить. Они были сильнее, и невозможно было сопротивляться. Данила говорит: «Ребята, не надо. Хотите – бейте меня». Парни так удивились, что прекратили меня бить, и Данилу бить не стали. А мужчины, которые стояли на остановке, продолжали усердно читать газеты. Нам тогда было лет по двенадцать.

Однажды мы вдвоем поехали в Данилов монастырь звонить в колокола. Видим: идет какой-то батюшка. Оказалось, архимандрит Евлогий.

– Батюшка, а можно мы в колокола будем звонить? Благословите!

– Ну, идите, детки. Звоните! Тогда у нас было детское религиозное рвение. Мы стояли все службы, даже длинные, ночные, в первых рядах, не шелохнувшись, не пытаясь отойти побегать. Когда нам было лет по четырнадцать, ездили в Оптину пустынь. Ее только начали восстанавливать, и мы – Данила, я и еще один наш друг – помогали: собирали мусор, битый кирпич, копали...

Потом, когда стали старше, появились какие-то сомнения, всех куда-то кидало – из огня да в полымя. Одного из друзей мы потеряли из виду надолго. Потом я его встретил, оказалось, что он стал скинхедом...

Кидало всех, но не Данилу. Он с детства знал, что хотел, с самого начала. Он часто рассуждал не как ребенок или подросток – Данила действительно очень много знал и при этом не был забитым «ботаником». Он никогда не пытался отойти в сторону от Православия, и не из-за какого-то страха, просто ему это было неинтересно.

Мне нравилось, что он всегда был очень веселый, ко всему относился со здоровым чувством юмора. Ему было несвойственно понурое состояние подростка, у которого в теле играют гормоны, в голове полный ералаш и который не знает, что со всем этим делать.

Когда мы повзрослели, то стали встречаться редко, у нас уже были параллельные жизни. Но я всегда следил за его вы-

ступлениями, за его полемикой с мусульманами и инославными. Все-таки в детстве он не был слишком отчаянным и смелым, но как компенсировал это впоследствии! У отца Даниила была серьезная и правдивая смелость, а его оппоненты, бедняги, часто сидели красные и не знали, что ответить. Он выступал настолько открыто и умно, что это, безусловно, вызывало уважение.

Когда его убили, это был шок до слез. Мне звонили разные люди – байкеры из «Ночных волков», например. Это была злая пощечина всем нам. Православная вера – наши корни, то, на чем мы должны воспитывать наших детей. Уход отца Даниила, который так живо и правдиво нес Слово, – это утрата, которую восполнить невозможно.

**Протоиерей Дионисий Поздняев,
настоятель прихода святых
первоверховных апостолов
Петра и Павла в Гонконге
(Китай), супруга Кира Поздняева**

Отец Дионисий

В среде абитуриентов Московской духовной семинарии быстро складывались кружки земляков: ребята общались в

основном с теми, кто приехал из тех же мест. Так я познакомился с москвичом, будущим священником Даниилом Сысоевым, и мы быстро подружились, потому что нас многое связывало: оба были из интеллигентных семей, оба крестились не с самого раннего детства; объединяли нас и взгляды на духовную, церковную жизнь – все это обуславливало какую-то общность языка. Каждый студент нашего потока был самобытной, яркой личностью, но, пожалуй, именно отец Даниил был постоянным источником идей, которые у него многие заимствовали. Причем для него не существовало авторитетов: он мог публично, ничего не опасаясь, поспорить с любым человеком, даже с профессором, если считал, что тот в чем-то ошибается.

Первой же учебной осенью мы полюбили гулять вокруг Лавры, смотреть на желтые листья, кататься на старых качелях или каруселях, которые были рядом. Недалеко находился Гефсиманский скит, тогда еще не возвращенный Церкви, стояла золотая пора, и мы ходили туда, иногда прихватив с собой вино и сыр. Беседовали мы в основном на богословские темы, говорили о многом, но чаще всего – об экзегетике, толковании библейских текстов, литургике. Вопросы литургики занимали нас тогда больше всего, можно сказать, мы жили богослужением.

В одном классе мы с отцом Даниилом не учились, просто были в одном потоке, а я еще и переходил из класса в класс. Закончили учебу мы в разное время, я немного рань-

ше. Но нам было легко общаться и понимать друг друга, поэтому наша дружба продолжилась и после учебы. Уже став священником, я венчал его с супругой Юлией, это был особый день и, пожалуй, особое венчание. Таинство совершалось в храме Апостола Иоанна Богослова при православной гимназии в Ясенево. Венчался отец Даниил в подряснике – одним из первых, теперь такие случаи в порядке вещей; когда венчаются, например, чтецы, то они венчаются в подряснике. Но тогда это выглядело необычно, можно сказать, что такой стиль был задан именно отцом Даниилом.

Матушка Кира

А на нашем венчании будущий отец Даниил держал над мной венец. Мы где-то прочитали, что венцы над женихом и над невестой должны держать мужчины, и пригласили двух своих ближайших друзей. Еще со времен Лавры я помню его ярким, убежденным и бескомпромиссным, он имел твердое мнение и готов был спорить с кем угодно, принципами не поступался никогда, но при этом всегда был смеющимся, радостным.

Мы дружили семьями и частенько бывали друг у друга в гостях. Отец Даниил и матушка Юлия сначала жили в центре, на Маяковской, где всегда жила интеллигенция и где была особая обстановка. Там родилась Иустина – старшая дочь отца Даниила и матушки Юлии, и я стала ее крестной матерью. Мне кажется, отец Даниил не был строгим со своими

детьми, он сильно их любил и относился к ним очень хорошо.

Со священником Дионисием Поздняевым. 1996 год.

Общались мы постоянно. Даже в последние годы, когда наша семья жила в Китае, мы никогда не пропускали 30 декабря, день Ангела отца Даниила. Этот день выпадает на рождественские каникулы, и мы в это время всегда приезжаем в Москву. Мы никогда не планировали на 30 декабря никаких других дел, этот день всегда был «отложен» для встречи с отцом Даниилом и его семьей. На именины мужа матушка Юлия всегда устраивала застолье, каждый год готовила какое-нибудь коронное блюдо. Людей собиралось много, кто-то приходил из года в год, но часто появлялись и новые лица.

Отец Дионисий

Так получилось, что и служение наше протекало в одном направлении – миссии по отношению к традиционно неправославным народам. Да, миссионерство тоже стало результатом общности наших интересов, но должен сказать, что важность миссии была не в общении с людьми другой веры, другой культуры, т. е. с теми, кого в старину называли «инородцами», а в осознании универсальности Православия, желании сделать христианство всеобщим, донести его до как можно большего числа людей. Эта тема вообще была очень близка отцу Даниилу, и он не проводил никакой линии разделения, для него не имел значения языковой или национальный контекст. По его справедливому мнению, взгляд на Православие как на традиционную религию России – это

препятствие к его распространению среди других народов. Каждый человек должен слышать о Христе – в этом мы оба были уверены, и со временем у нас сложились конкретные формы работы. Так получилось, что у меня стали появляться прихожане-китайцы, а отец Даниил начал проповедовать среди мусульман.

Во время поездки в Иркутск. 2005 год.

У каждого из нас была своя практика, но мы задавали друг другу вопросы, сравнивали ситуации, в которых нам при-

ходится миссионерствовать. Вообще, из этого опыта я вынес мнение о том, что миссия должна носить универсальный характер, меньше концентрироваться на различиях, потому что многое приложимо и к китайцам, и к мусульманам, и ко всем остальным. Правда, большое значение имеет язык, поэтому миссия все-таки должна принимать во внимание языковые особенности. Те же китайцы сегодня готовы слышать о Православии, при этом число католиков и протестантов в Поднебесной ежегодно увеличивается на 13 %. Они хотят, чтобы истину им говорили на их языке, они не обязаны усваивать чуждые им культурные формы, чтобы через них пробираться к Богу. Ведь во многих странах, где христианство стало традиционным, с изнанки оно как бы прошито народными, языческими нитками, т. е. хорошо сочетается с местной культурой. Так что специфика тоже имела место, поэтому советоваться друг с другом нам было почти не о чем, и в последние годы во время телефонных разговоров и личных встреч мы просто обсуждали что-то, сверяли свои взгляды на события современности, в том числе в церковной жизни, и наши мнения чаще всего совпадали.

У нас были общие миссионерские проекты; например, в 2005 году мы вместе ездили в Иркутск, куда я приехал из Китая со своими прихожанами. Эту поездку мы задумали как паломничество для моих китайских прихожан, у которых нет возможности спокойно помолиться в православном храме или съездить в паломничество у себя в стране. Мы

такие поездки устраивали периодически – например, были в Благовещенске, затем выбрали Иркутск. Отец Даниил согласился приехать очень быстро, с ним вообще всегда легко было что-то организовать, всегда все получалось хорошо. Из Китая приехало около десяти человек, мы провели в России две недели: служили, молились, посещали разные храмы. Отец Даниил беседовал с ними, проповедовал, совершал Таинства. Одна китаянка в то время была в очень сложной жизненной ситуации, у нее были тяжелые обстоятельства, и она подробно исповедовалась отцу Даниилу (женщина хорошо знала русский язык). Могу сказать, что на этой исповеди она получила очень верное направление жизни.

Миссионерская конференция в Иркутске. 2005 год.

Во время этой поездки отец Даниил занимался и другими проектами: участвовал в работе с наркозависимыми, также мы проводили совместные лекции в университете. Конечно, мы ждали отца Даниила к нам в Гонконг, он хотел посмотреть, как в Китае организована миссия, что делается, как можно расширить свою деятельность, да и сама страна была для него интересна. Кроме того, мы обсуждали возможность миссионерства среди протестантов Океании: это не требует серьезных вложений и достаточно реально. Он все время собирался приехать, но так и не успел...

Но чаще всего наши совместные проекты касались издательской деятельности. Например, отец Даниил помогал нам подготовить перевод на китайский язык Закона Божия и «Диалогов» отца Валентина Свенцицкого. Закон Божий, к сожалению, до сих пор не издан, потому что перевод оказался очень сложным, китайский текст не раз менялся в процессе перевода, и эта совместная работа должна была расширяться, если бы не произошедшая трагедия.

Миссионерская конференция в Иркутске. 2005 год.

Последний раз я видел отца Даниила 3 ноября 2009 года. Я приехал в Москву на очень короткий срок, у меня совсем не было времени. Он просто подвозил меня на машине из одного места в другое, и мы решили, что хотя бы в дороге поговорим. В тот день он, как будто между прочим, рассказал мне, что ему в последнее время много угрожают. И даже посмеялся, полушутя сказав: «А может, и убьют!» Не могу сказать, что он относился к этому несерьезно, но все это точно было для него где-то на периферии жизни.

Матушка Кира

Я видела отца Даниила в последний раз в мае 2009-го. Я приехала в Москву в командировку, и у меня образовалось два-три свободных дня. В таких ситуациях я обычно никуда не выбираюсь, остаюсь с родителями, но мы созвонились с отцом Даниилом и решили повидаться. Сели в кафе недалеко от Сретенского монастыря и разговаривали часа полтора, а потом он подвез меня к месту уже другой встречи. Сейчас, вспоминая обо всем, я воспринимаю время, проведенное мной в машине, как некую точку. Тогда отец Даниил сказал мне: «Приезжай летом, я научу тебя миссионерствовать на улице». Я удивилась: «Как так, выйти и начать миссионерствовать? Это не для всех!», но он убеждал: «Да нет, это может всякий!» Но летом выбраться у меня не получилось.

О гибели батюшки я узнала из Интернета, утром следующего же дня. Пришла на работу, открыла Яндекс, и первая же новость – убийство священника в Москве. Сначала я даже ничего не поняла, начала читать... И сразу же пришла мысль: это – настоящее мученичество за Христа.

Отец Дионисий

А я в это время летел в самолете. Мобильный, конечно, был выключен. А когда самолет сел и я включил телефон, мне тут же позвонила Кира и обо всем рассказала. Возникло очень горькое и тяжелое чувство, что утеряна часть жизни. И теперь каждый раз, когда я приезжаю в Москву, то ощущаю эту пустоту, зияющую дыру. Можно сказать, стало меньше

смысла приезжать сюда.

Матушка Кира

Есть люди, для которых Бог, несомненно, находится в центре жизни, но таких немного, для большинства из нас Бог пребывает на периферии. Отец Даниил был из первых, и он такое отношение ко Христу в себе не воспитывал, это просто дар, он был таким с самого начала. Все остальное в жизни он воспринимал как приложение, и поэтому в нем и не было ни елейной приторности, ни жесткого нравоучения, ничего искусственного. Такая вера зажигает окружающих. На какую тему мы ни начинали бы говорить, отец Даниил все сводил к богословию. Любил «ткнуть носом» в житие твоего святого: мол, подумай, как твоя покровительница поступила бы в этом случае? Это было очень интересно, и радостно, что среди молодых священников есть люди, которые живут своим служением, Церковью. Ведь сейчас, к сожалению, и в церковной среде происходит обмирщение.

Отец Дионисий

Православие для отца Даниила было не мировоззрением или комплексом убеждений. Он был готов говорить о Христе больше, чем о Церкви, если можно это разделять. Он владел четкостью и ясностью формулировок, никогда не пускался ни в какие дипломатические игры. Его прямолинейность, готовность сказать правду, да еще и повторить ее, привлекали

людей. Сейчас, обсуждая церковную жизнь, люди часто говорят об этом буднично, рассуждают о Церкви просто как о каком-то социальном институте или общественной организации.

Я считаю, что нам всем недостает серьезного, продуманного внимания к его успешному опыту миссионерства. Если бы этот опыт систематизировали на общецерковном уровне, это могло бы иметь весьма положительный результат.

Матушка Кира

Одна из прихожанок отца Даниила заметила, что при жизни его, конечно, многие знали, многие читали и его книги, но того, что случилось после его смерти, трудно было ожидать. Невозможно оценить, сколько людей слышали о нем, стали читать его труды, а через это – обратились, пришли к Богу!

**Протоиерей Михаил Щепетков,
благочинный Малинского округа
Московской епархии, преподаватель
Коломенской духовной семинарии**

Мы познакомились с отцом Даниилом в конце 1991 года, во время учебы в Духовной семинарии.

Главная его особенность была в том, что он был очень начитанным и учился хорошо, без троек, никогда ничего не зубрил, потому что еще до семинарии получил достаточно неплохие знания. Нрав у него был веселый, жизнерадостный, он очень любил беседовать со всеми, спорить, часто вступал в дискуссии с администрацией и преподавателями (особенно с известным профессором А. И. Осиповым), причем дискуссии очень длительные, прямо во время лекций, за что его даже иногда наказывали. Он отлично знал Устав, очень чтил его и всегда хотел все делать по Уставу. У нас были определенные послабления, которые он требовал исправить: например, когда он читал Канон, то обязательно читал его на шесть тропарей, как по Уставу, хотя велели читать на четыре. Его даже прозвали «ходячий Типикон», и тот, кто чего-то не знал, сразу шел к Сысоеву, который всегда знал все.

Когда нам поставили ректором владыку Филарета, то отец Даниил с группой товарищей первым делом обратились к нему с требованием, чтобы вечерние молитвы читались студентам полностью, без всяких сокращений. Помню, что он был не согласен с разрешением вкушать рыбу Великим постом, и желание некоторых студентов поститься полностью стало учитываться именно с его подачи.

В нарушение всех семинарских правил некоторые из нас,

и отец Даниил тоже, Великим постом ходили на службы в Лавру, хотя делать нам это было запрещено. На первой неделе Поста мы должны были молиться в Покровском храме при семинарии, но все равно мы ходили в Лавру, хотя нас отлавливали и наказывали. Нам не нравилось ходить в семинарский храм, где хор пел слишком громко, просто кричал, и где одновременно царили официоз и разгильдяйство: на балконе для хора студенты могли сидеть или даже лежать во время службы, не было там нормальной молитвенной атмосферы. И это было просто удручающим для человека с высоким полетом души, какая была у отца Даниила.

В семинарии мы с ним сдружились, я тогда жил недалеко от Сарова, и он ко мне приезжал в гости. Летом мы часто ходили в лес, в сторону Сергиево-Посадского кладбища, и там читали акафисты, нам это очень нравилось. Бывало, что нам неохота было идти в семинарию, и тогда мы тоже читали акафисты, такая у нас была традиция.

Однажды мы с ним ездили в гости к моей родственнице, которая жила рядом. Она была очень легким человеком, ничего ей особо было не нужно. Мы приезжаем к ней голодные, а у нее в доме из еды ничего нет вообще, даже непонятно, как она питалась. Ну что делать? Пошли собирать грибы. Принесли грибы – хлеба нет, а я вспомнил, что в поселке есть часовня, которую строил еще мой прадед, пошли мы туда, там нашли какие-то сухари, засохшие пряники. Взяли их, вернулись назад, нашли несколько картофелин, соли то-

же не было. Вот такой у нас был аскетический обед. А потом мы пошли в часовню служить службу, отыскиали Минеи, Октоиха не нашли, и по Минеям мы с ним вдвоем отслужили вечерню беспоповским чином. Это и было наше первое с отцом Даниилом совместное служение, хотя и он, и я тогда были просто студентами семинарии.

Потом мы уехали в Дивеево, которое тогда только открылось, там еще и полов не было, а был полный развал, и мы вдвоем с отцом Даниилом после Литургии пели акафист Серафиму Саровскому; священник служил, а мы пели.

Однажды приезжает он ко мне веселый, довольный, подпрыгивает до потолка (у него вообще была такая привычка – подпрыгивать при ходьбе), говорит, что его духовник благословил в священники. Начал он подыскивать себе матушку, но не смог найти себе невесту ни на регентском, ни на иконописном отделении. Однажды я встретил его рядом с девицей Юлией, и, что интересно, они поженились в тот же день, когда меня рукоположили в диаконы, 22 января 1995 года. Поженились они тихо, в очень скромной атмосфере, потому что ее родители были против этого брака. Хитрый отец Даниил, чтобы не покупать костюм, женился в подряснике (кстати, я его вообще никогда не видел в костюме, он его не носил), а матушка сшила себе платье сама. Началась у них очень своеобразная семейная жизнь, потому что они везде прятались от ее родителей, он был мужем, а прятался, как любовник, и так продолжалось до тех пор, пока отец Юлии

его не признал. Диаконом отец Даниил был долго, и они долго жили бедно, да и мы с женой жили тогда бедно, мы с отцом Даниилом даже как-то выясняли, кто из нас беднее живет.

Конечно, мы бывали друг у друга в гостях, он приезжал вместе с женой, детьми, мы ходили в лес, за грибами, к источнику ездили. Конечно, когда он стал священником, у него стало гораздо меньше времени для общения, мы встречались реже.

На мой взгляд, отец Даниил изменился в последний год жизни, он буквально стал другим человеком. Видимо, какие-то неприятности, связанные с его борьбой с ересями, с исламом или с борьбой за строительство храма, сделали свое дело. Видна была внутренняя усталость, ведь он слишком много ездил, слишком много боролся, работал, книги писал. Мне его писания нравились, слог у него был хороший. Мы с ним в семинарии увлекались экзегетикой, любили читать святых отцов, толкования, но все это иное, нежели догматика. Если и были в его текстах ошибки, то в основном связанные с историей. Я как раз занимался историей и мог указать ему на какие-нибудь неточности. Да, иногда он несколько увлекался, и приходилось его «подтягивать», в частности, у него была излишняя склонность к мистике в истории. Конечно, история построена на промысле Божиим, но он полностью переносил Библию на историю, как кальку: например, связь между нравственным состоянием древнего израильского народа, отношение к нему Бога или его к Богу он

полностью переносил на другой народ: русский, американский, любой. С этим можно было, конечно, поспорить.

Со священником Михаилом Щепетковым.

Последний раз мы виделись 26 октября 2009 года, в день памяти иконы Божией Матери Иверской, он приехал ко мне уже поздно вечером, и мы с ним сидели часов до четырех утра, разговаривали, о чем-то спорили. Он был очень уставший и радовался, что у меня дома тихо и можно спокойно посидеть в тишине. Он говорил, что хочет создать объединение или общество уранополитов, мечтал, чтобы все священники России начали заниматься миссионерской деятельностью. Конечно, я и раньше знал от него, что ему неоднократно угрожали смертью, что ему писали на интернет-почту, звонили, и это были не шутки, потому что по шариату человек, который отвратил кого-то от ислама и обратил в другую веру, подлежит смертной казни.

Село Марьинское возле храма. С матушкой Еленой и священником Михаилом Щепетковыми. 1998 год.

В тот вечер он мне прямо сказал, что его убьют, но хочет, чтобы его убили на Пасху, в следующем году. А я ему говорю: «Да на Пасху-то еще надо заслужить, на Пасху самых лучших убивают...». Мы с ним, конечно, посмеялись, и все-таки его слова я не воспринял серьезно. Я вспоминаю Евангелие, эпизод, когда Христос говорил ученикам, что Он будет отдан язычникам и Его распнут в Иерусалиме. Ученики не могли это воспринять всерьез, и всегда такие предсказания вспоминаются и воспринимаются уже после событий. Конечно, я тоже осознал то, что он мне говорил, только потом, когда его убили. И это было очень горько и обидно, потому что человек мог еще много сделать и для Церкви, и для своей семьи. Это был удар «под дых», удар по всей православной России, потому что отец Даниил был, в общем-то, самым активным человеком и священником, и вдруг Господь все-таки забрал его Себе...

Я постоянно чувствую, что мы недостаточно общались, что столько времени тратилось на всякие пустяки, вместо того, чтобы заниматься делом. Надо ценить общение, потому что человеческая личность вырастает в общении с другими личностями. И мне горько, что так много часов и дней было потрачено на глупости, а не на общение с ним, с отцом Даниилом. Чувство недоговоренности осталось, шел диалог, и

этот диалог прервался на середине.

К сожалению, вместе мы служили всего один раз, всенощную под Успение Божией Матери в 2005 году (не считая нашей службы в часовне во времена студенчества, да еще можно еще посчитать за совместное служение службу крещения моего сына Тихона, в 2001 году). У отца Даниила был отпуск, и он приехал ко мне в храм. Конечно, он служил благоговейно и внимательно, этого не отнять. Мог немного чему-то улыбнуться, как все люди, но никаких особых отвлечений я не видел. Это, конечно, должно быть правилом для всех священников, потому что алтарь – это место, где никаких развлечений быть не может. Одним словом, служил он, как и должен служить священник.

Алексий Трунин, диакон храма Всех Скорбящих Радосте на Ордынке

Мы с отцом Даниилом вместе учились в Духовной семинарии, поступили в 1991 году. Москвичей было очень мало, поступали в основном ребята из области, с Западной Украины, а мы, москвичи, выглядели инопланетянами, поэтому круг общения у нас был довольно узкий. Даниил был, конечно, человек неординарный, и мне с ним всегда было интересно, я его слушал с удовольствием, а он радовался, что его слушают. Его волновала только церковная тема, и это всегда было живое любопытство, живое знание. Например, читает он Златоуста, и для него все, что там написано, сразу стано-

вится его жизнью, он сразу же бежит к кому-то, пересказывает то, что прочитал, обсуждает. Конечно, многим это казалось чудачеством, и кто-то отмахивался от него, но он был абсолютно незлой человек, он никогда не обижался, а спокойно отходил. Да, ему не хватало собеседника, но мы были и так перегружены богословием, и еще говорить о нем в свободное время? Богословие, так или иначе, проецируется на твою личную жизнь, и если ты его изучаешь, если ты учишься богословию, то ты должен просто стараться выглядеть и вести себя соответственно, вот и все. Ну а иначе надо быть совершеннейшим фанатиком, каким и был отец Даниил.

Мы учились в параллельных классах, но пели в одном смешанном хоре, в котором он был уставщиком. Он ходил и в иконописный кружок, он всегда ходил на любое живое дело, был очень активен. У нас был кружок знаменного пения, вечером мы собирались и пытались петь по крюкам, Данила и туда ходил. Его юношеский максимализм, его горячая личность, его действительно большие богословские познания – все это делало его непримиримым борцом со всяким равнодушием, консерватизмом, в чем-либо проявляющейся атмосферой синодальной эпохи. Он хотел, чтобы в церкви все было живое, активное, он был полностью человеком времени – начала 90-х, просто весь фейерверк. Я всегда удивлялся, как он умудрялся лавировать, все-таки семинария есть семинария, это система, которая требует соответствия каким-то рамкам, а Данила не вписывался ни в какие рамки.

Преподаватели по-разному на это смотрели, но, конечно, он был знатоком предметов, и многие вещи он наверняка знал не хуже преподавателя. Ему не хватало выдержки, и я думал, что годам к пятидесяти, когда он установится как личность, настанет золотая середина, его горячность уйдет в прошлое, а к знаниям прибавится еще и опыт.

С ним было хорошо общаться именно в том мире, в каком он существовал. Да, у него не было никаких интересов, кроме Церкви, кроме Господа, но он был человеком со своими страстями, с трудностями, с проблемами – этого было много, как у всякой яркой личности. Безусловно, в нем была глубокая убежденность, что он делает правое дело, он владел глубокими знаниями, но формы, в которые он облекал свою проповедь, привлекали далеко не всех. Конечно, он иногда «перегибал палку». Другое дело, что у нас все остальные ее «недогибают», просто ничего не делают. Много у него было мальчишеского, но теперь, когда прошло время, я думаю, что, когда Господь сказал «Будьте как дети», может быть, это и имелось в виду. У отца Даниила был такой подход: если христианство не горячее, если немедленно не оставить все – и за Христом, то все не считается.

Конечно, так и должно быть, но люди разные, не все так могут, не всем Бог дал такой талант, были мученики, а были аскеты-пустынники, кто-то – мгновенно, а кто-то – долго... И я свидетельствую, что он всегда мечтал быть убитым в храме, это было для него лейтмотивом. Ему говорили: «Дани-

ла, ну все, успокойся», – а видите, как получилось. Сколько времени прошло со студенческой поры, а некий внутренний стержень он держал постоянно, огонь его не угас за эти двадцать лет. Мы все искушались, глядя на него, мол, пора взрослеть, Данила, но совершенно неизвестно, что будет с нами, а Данила-то свой подвиг совершил. Непримируемая борьба с неверием, со всем прочим подобным – это была его тема, и вне этой темы его ничто не интересовало, а интересовал его только Бог, пришедший в Силе. У него не было зашоренности, какая бывает у воинствующих, за счет своего внутреннего огня он очень точно чувствовал временное внутри Церкви. Он не имитировал любовь к Святой Руси, ему искренне нравилось все, что там было, и древность была ему абсолютно созвучна. Поэтому, когда мы пели в семинарии Пасхальный канон (а он поется обиходным распевом на мотив «Барыни-сударыни»), он возмущался, считал, что так петь нельзя. А мы ему отвечали, что может быть, это «Барыня» списана с Пасхального канона, но он все равно говорил, что это неважно, все равно нельзя так петь.

Каких-то увлечений, которые разбивали бы цельность его натуры, у него не было. Все было ясно и понятно, и личные трудности, включая его личные страсти, тоже были включены в его образ. Конечно, он проделал над собой некую работу, прошел путь, потому что та форма, в которую он облакал свое семинарское житье, для нормальной жизни была нереальна. У него под кителем был мешок, а в мешке лежа-

ло Евангелие. Я спрашиваю его: «Зачем ты всюду носишь Евангелие, ведь ты не едешь никуда, ты в семинарии, положи на тумбочку в спальне», а он: «Нет! Евангелие должно быть всегда на груди».

У него были действительно огромные знания, и откуда – понять было нельзя, потому что тогда литературы почти не было, только начали делать репринты. Любовь его к каноническим правилам не была сухой и схоластичной, он искренне спрашивал: «Как же вы не понимаете?» Он сам зажигался, он сам не был заштампован.

Я не могу точно сказать, как он учился – хорошо или плохо. Любознательных студентов преподаватели любят, но он был не просто любознателен, он все время вступал в полемику. Лет за десять до того, как мы поступили, такого человека, как он, просто не приняли бы в семинарию или выгнали сразу же: он вообще не вписывался никуда. В третьем классе мы начинаем говорить проповеди, за вечерней молитвой. Помню его первую проповедь: отец Даниил разгорячился чрезвычайно, конечно, говорил не по бумажке (хотя первоначально заставляли эту проповедь писать и сдавать на проверку). А тема была «Симеон Новый Богослов», краткая выжимка из его освежающего для того времени взгляда, что Бог постижим в реальной жизни. И помню, как отец Даниил стоял на амвоне и кричал: «И поэтому не говори никто, что Бог непостижим в жизни, Он очень даже постижим!» Начальство его даже похвалило, хотя уже эта первая его про-

поведь не вписывалась в общую канву, даже по накалу интонации. Не церковная она была у него...

Я знаю, что старшее поколение верующих не понимало манеру поведения отца Даниила. На его отпевании мы с отцом Игорем Фоминым сказали друг другу, что многие считали его чудаком, а Бог принял его, и это для нас было откровением.

Протоиерей Игорь Фомин, клирик Казанского собора на Красной площади

Мы с отцом Даниилом вместе учились в семинарии, и это был первый набор, когда для поступления не требовалось пройти армейскую службу. Но я в армии отслужил, а он при-

шел сразу после школы. Он сильно выделялся из толпы своим юношеским задором, живостью, в шумных моментах семинарской жизни был на передовой. Конечно, в этих «шумных» моментах ничего плохого не было, чаще всего – просто живое обсуждение каких-то тем. Он был очень общительным и одновременно – очень собранным и целеустремленным, прекрасно учился, но, помимо учебы, у него были свои изыскания и исследования. Он очень внимательно относился к Священному Писанию, всегда обсуждал его, всегда задавал вопросы, причем эти вопросы были такие, что поражали тебя до глубины души: ты мог хорошо знать этот момент из Писания, много раз его читать, но, когда отец Даниил задавал свой вопрос, все высвечивалось по-другому.

Он говорил как бы немного вызывающе и с некоторой ехидцей, но это не была обидная ехидность, она была совершенно нормальной. Иногда он ставил вопрос совершенно жестко, ребром, но все равно по-доброму, потому что человек он был литургический, и, благодаря общению с ним, я пришел к мысли о частом причащении и придерживаюсь этого взгляда и по сей день. В семинарии вопрос о частом причащении был поднят именно им, и это сослужило хорошую службу и мне лично, и нашему общению.

Мы с ним общались и после семинарии, он приглашал меня домой, мы встречались в храмах, просто по-дружески где-то пересекались, говорили о многом, хотя это было не очень часто. Он был очень интеллектуальный человек, образован-

ный, умный, начитанный, прекрасно владеющий языком. Он никогда не забывал о канонических нормах, спорить с ним было почти невозможно, хотя он и пытался вызвать человека на спор.

Он был разносторонним человеком, но, конечно, выстраивал свою жизнь вокруг Христа. Мы очень часто выстраиваем Христа вокруг своей жизни, а у него Христос был центром, и от Него он уже выстраивал все. Рассматривая бытовые ситуации – поездку в метро, чаепитие, застолье, он все равно отталкивался от Христа. Мы затрагивали разнообразные темы, но глубоких богословских бесед все-таки не вели, мы могли говорить о машинах или о чем-то подобном. В последнее время нас волновала постройка наших храмов – об этом мы говорили очень много, он уже был настоятелем строящегося храма, а я только получил указ о настоятельстве тоже в строящемся храме. И в основном мы говорили об общении с чиновниками, о выбивании земли, приобретении стройматериалов и т. п. Спектр его внимания был очень разнообразным, и так как он был человек очень эмоциональный, то мог с большим интересом говорить на любую тему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.